

Т. В. КОСТИНА

РИТОРИКА ПРОФЕССОРОВ РУССКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В АРГУМЕНТАЦИИ УВОЛЬНЕНИЯ СОЧЛЕНОВ КОРПОРАЦИИ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)

В статье рассматривается эволюция риторики, употреблявшейся в первой трети XIX в. профессорами российских университетов при аргументации необходимости увольнения коллег. Выявлены факторы, повлиявшие на формирование риторики: от объективных (возраст корпораций, государственная идеология) до субъективных (позиции министров и попечителей учебных округов).

Ключевые слова: профессора университетов, риторика, увольнение.

В 1802–1805 гг. в России была проведена университетская реформа. Вместо одного – Московского, – в Российской Империи стало пять университетов (в Вильно, Дерпте, Казани, Москве и Харькове), получивших устав с широкими правами самоуправления профессорской корпорации. В Петербурге был открыт Педагогический институт, позже преобразованный в университет¹. Настоящая статья посвящена профессорским корпорациям университетов, в которых делопроизводство ве-

¹ Хотя Педагогический институт во многих отношениях представлял собой аналог университета, он не обладал особенностями корпоративной жизни, характерными для других русских университетов. В фондах Педагогического института (ЦГИА СПб. Ф. 13) и попечителя Петербургского учебного округа (Там же. Ф. 139) за период существования Педагогического института, Главного педагогического института и первое десятилетие существования университета нет дел, свидетельствующих о серьезных конфликтах профессоров или напряженной борьбе за кафедры, о влиянии на исход борьбы мнения коллег. Попечитель университета единолично решал кадровые вопросы при возникновении малейшей напряженности, чтобы исключить появление в столице негативных слухов о ситуации в учебном заведении. Некоторое оживление жизни совета наблюдалось во второй половине 1820-х гг., вероятно в связи с распространением в 1824 г. на Петербургский университет действия Устава 1804 г. В «Первоначальном образовании С. Петербургского Университета» 1819 г. права Конференции в отношении избрания на должности и удаления от них не были четко прописаны; было лишь оговорено, что в выборе профессоров, адъюнктов и учителей университет руководствуется примером других университетов Империи. Возможно также, основной причиной специфического развития петербургской корпорации профессоров было наличие в столице большого числа учебных заведений, служба в которых была равно, и даже более престижной, чем служба в Педагогическом институте.

лось на русском языке, включая представления об увольнении профессоров. Хотя часть профессоров этих университетов выражали свое мнение на немецком, латинском и других языках, в публичном обсуждении и частных разговорах (не без влияния министерства народного просвещения, попечителей и русских профессоров) в этих университетах вырабатывались определенные риторические формулы. Наиболее устойчивые из них и стали предметом данного исследования.

Известно, что сами профессорские корпорации в силу своей незрелости почти не принимали участия в приглашении новых сочленов, хотя § 60 Университетского устава 1804 г. гласил: «Когда место Профессора сделается праздно, то каждый Профессор того Отделения, к которому он принадлежал, <...> представляет Ректору имя Кандидата, коего почитает достойным занять оное <...>»², это положение Устава начало работать далеко не сразу. Исследователи сходятся во мнении, что задача формирования корпораций была возложена Министерством народного просвещения на попечителей учебных округов³.

В Московском университете приглашением новых профессоров, в основном из Германии, активно занимался попечитель М. Н. Муравьев. Необходимо, однако, учитывать, что в начале XIX в., несмотря на значительное число профессоров, назначенных в связи с введением в действие Устава 1804 г. (И. Ф. Буле, Г. Ф. Гофман, Г. М. Грелльман, И. А. Иде, Ф. Ф. Рейс), корпорация Московского университета прошла этап формирования основ корпоративной этики еще в 1756–1760-е гг.⁴ К началу XIX в. в ней были выработаны критерии отбора новых профессоров, действовали принципы самоуправления, и к ее мнению в вопросах назначения на должности прислушивалось правительство⁵.

Неудивительно, что больше материалов для исследования представили молодые университеты Казани и Харькова. В Казанском университете профессоров набирал почти единолично попечитель С. Я. Румов-

² Сборник постановлений. 1864. Стлб. 276–277.

³ *Рождественский*. 1902. С. 60; *Петров*. 2002. С. 259; *Андреев*. 2009. С. 408.

⁴ Документы. 1960. С. 130, 230, 333 и др.

⁵ В 1811 г. попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов предложил аннулировать результаты выборов в деканы факультетов. Разумовский не пошел против мнения Совета, подсказав попечителю более гибкий способ добиться со временем желаемых им назначений: «Как Университетский Совет, так и избранные им Профессоры могли бы поставить сие в обиду; а как Деканы избраны только на один год, то Вы, Милостивый Государь мой, можете при следующем выборе предложить свои замечания Университетскому Совету» (РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 71. Л. 20–20 об.).

ский, и профессора, даже пользующиеся доверием попечителя, могли только, используя риторику, описывать свои предпочтения в письмах к нему⁶. В Харьковском университете ряд приглашений на кафедры организовал попечитель С. О. Потоцкий, но он в большей степени, чем Румовский, признавал за корпорацией право выбора сочленов. Уже в 1806 г. Потоцкий, представляя на должность профессора Ф. Г. Пильгера, писал: «Совет Харьковского Университета <...> избрал на основании Устава для кафедры скотолечения Пильгера Профессора Гиссенского Университета»⁷. Тем не менее, нельзя преувеличивать возможности харьковского Совета. Когда выборы 1811 г. показали министру народного просвещения А. К. Разумовскому (1810–1816), что самостоятельность в кадровом вопросе приводит к результатам, совершенно неприемлемым для министерства, итоги выборов, проведенных в лучших традициях немецких университетов, были немедленно аннулированы⁸.

Таким образом, члены профессорской корпорации преимущественно должны были работать в ситуации, когда они, не зная ни научных заслуг, ни личных качеств прибывавших к ним периодически сочленов, должны были радушно принимать новых коллег, назначаемых попечителями и утвержденных министерством. При этом все профессора являлись членами университетского совета и должны были считаться с мнением друг друга. Они тесно взаимодействовали в повседневной жизни, что было особенно актуально для провинциальных городов, таких как Казань и Харьков, где сообщество профессоров составляло основу узкой интеллектуальной прослойки горожан.

Такие «искусственно» созданные корпорации с точки зрения социологии можно сравнить с малыми формальными группами, в которых

⁶ См.: *Костина*. 2010. С. 81–101. 23 октября 1806 г. И. Ф. Яковкин писал Румовскому: «Слышал я стороною, что из свиты Г. посла в Китай графа Головинна, ожидаемого вскоре обратно в Казань, проехал в Петербург иностранец Гельм или Гельмон с рекомендательными письмами. Он уверял здесь разных людей, что в скором времени возвратится в Казань профессором химии. А между тем бывши у здешнего Аптекаря Засса и расхваставшись своими знаниями не был в состоянии отвечать на многое и аптекарю ниже провизору его <...> Да сохранил Господь воспитываемое здесь множество от таких наставников» (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 155. Л. 2).

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 60. Л. 1.

⁸ В результате проведения свободных выборов на кафедры были избраны одни иностранцы, а единственный русский профессор И. П. Каменский, предложенный профессором П. М. Шумлянским, забаллотирован. Эти результаты были аннулированы активным вмешательством министра А. К. Разумовского, который утвердил Каменского и дал указание «впредь Профессоров из чужих краев не приглашать до разрешения моего» (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 128. Л. 5).

должны были выработаться свои принципы общежития и нормы корпоративного сосуществования. Причем эти группы объединяли людей с разным индивидуальным опытом существования в подобных корпорациях; представителей разных сословий; наконец, разных национальностей, т.е. людей, в повседневном общении неизбежно сталкивающихся с проблемами кросскультурной коммуникации.

Не нужно забывать и о том, что профессорский коллектив представлял собой мужское сообщество со сложными статусными отношениями. Исследователь особенностей гендерного поведения А. А. Хвостов пишет: «В «мужских» организациях конфликт носит характер открытого и жесткого противостояния, которое, как правило, доводится до логического конца, тогда как в «женских» организациях он чаще носит скрытый, латентный характер, и его урегулирование осуществляется не силовыми методами»⁹. Действительно, желание довести конфликт до логического конца – устранения причины конфликта или удаления его участника, – эта черта мужского коллектива постоянно проявляется в университетской культуре рассматриваемого периода.

Помимо этого конфликтного фона, свойственного периоду становления корпораций, во всех провинциальных университетах шла борьба за кафедры и должности, которая в рассматриваемый период также была причиной столкновений профессоров в Казанском, Харьковском и, в меньшей степени, в Московском университете¹⁰. Такие конфликты зачастую изначально ориентированы на удаление коллеги из корпорации.

Все вместе это, действительно, способствовало высокому уровню конфликтности в молодых университетах; порождало ситуацию, вынудившую даже сдержанного профессора Казанского университета, бывшего монаха-бенедиктинца К. Ф. Броннера в отчаянии писать в 1810 г. в письме попечителю: «Опасно ходить в заседания Совета и Комитета, где интриги, раздоры и обиды – ужасны»¹¹.

Корпоративное самоуправление по уставу 1804 г. подразумевало возможность увольнения одного из профессоров. § 69 гласил: «Совет имеет обязанность удалять от должности всех <...> кои окажутся в должности нерадивы, неповиновением начальству нарушают порядок, или приличатся в каких-либо непростительных проступках; но к сему должен он приступать не иначе, как по предварительном Университетского Правления исследовании и по приговоре, который был бы утвер-

⁹ Хвостов. 2004. С. 30.

¹⁰ Об этом явлении в европейских университетах см.: Klinge. 2004. P. 125.

¹¹ Загоскин. Т. 2. 1902. С. 474.

жден двумя третями голосов»¹². Прибегать к этой статье на практике стали только в конце 1810-х гг., причем рассмотрение дела в правлении приравнивалось к судебному разбирательству, и статья использовалась в исключительных случаях. Определенное корпорацией увольнение могло быть утверждено только министром народного просвещения. При этом представление об увольнении того или иного профессора составлял попечитель учебного округа, который, в зависимости от ситуации, мог быть как инициатором увольнения, так и медиатором процесса.

Все это вынуждало профессоров вырабатывать способы воздействия на попечителя и министра народного просвещения; приводило к употреблению специфической риторики обоснования необходимости уволить того или иного профессора, в конечном счете направленной на министра народного просвещения. Далекое не всегда желание членов корпорации избавиться от того или иного сочлена удовлетворялось министерством. В условиях нехватки кадров и реализации собственной кадровой политики, министр обращал внимание на мнение профессоров в редких случаях, когда по той или иной причине конфликт выходил за пределы корпорации и отрицательно отражался как на работоспособности, так и на имидже университета. Тем больший интерес представляет аргументация, использовавшаяся профессорами с целью увольнения сочлена корпорации. Она «срабатывала» только в тех случаях, когда отвечала интересам самого министра народного просвещения. В этом смысле она является не только плодом коллективного или индивидуального творчества профессоров, но и лакмусовой бумажкой политики министерства народного просвещения в кадровом вопросе.

Анализ изменений, происходивших в риторике профессоров, направленной на увольнение коллег построен на материалах, сохранившихся в архивах университетов: Казанского (Национальный архив Республики Татарстан), и Петербургского (Центральный исторический архив г. Санкт-Петербурга), а также на материалах дел об увольнениях профессоров, сохранившихся в Российском государственном историческом архиве¹³. Отмечу, что большинство из дел об увольнении имеет ограниченные возможности для раскрытия поставленной нами цели. В них сохранились представления попечителей об увольнении того или иного профессора и реакция министра на него. Далекое не во всех изу-

¹² Документы. 1960. Стлб. 278.

¹³ Из общего числа дел об увольнении профессоров были выявлены и обследованы те дела, в которых существовала какая-либо дополнительная переписка, за исключением минимально необходимой для решения вопроса об увольнении.

ченных нами случаях в представлении попечителя содержится отрывок из представления совета, то есть документа, оформившего коллективное мнение корпорации. Во многих случаях вынужденное увольнение оформлено как увольнение по собственному желанию, что оставляет «за кадром» министерского дела обоснование увольнения¹⁴. Поэтому особое значение приобретают обширные комплексы источников, сформировавшихся вокруг нескольких увольнений, породивших большую переписку и следственные дела, в которых встречаются персональные мнения членов корпорации об увольняемом сочлене. Эти «громкие увольнения» вызывали интерес современников и исследователей, поэтому в личных фондах различных деятелей, сохранившихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского удалось найти еще ряд документов, дополнивших комплекс сохранившихся в РГИА материалов о них.

В первые годы существования университетов профессора, поясняя неприятие коллеги, ссылались на самые различные обстоятельства. Например, в 1806 г. профессора Харьковского университета добились отсрочки представления на звание ординарного профессора И. А. Шнауберта, приглашенного попечителем Потоцким, «находя его слишком молодым для помянутого места»¹⁵. И только через год попечитель, «удостоверясь <...> в его способностях и похвальном поведении, которым сыскал он благорасположение своих сотоварищей»¹⁶, смог сделать представление о назначении его профессором. Опытным путем происходил поиск действующей риторики.

В том же 1806 г. адъюнкт Харьковского университета И. Ф. Гамперле попытался приостановить назначение профессором А. А. Дегурова, выразив сомнение в его политической благонадежности. В письме от

¹⁴ См., напр., РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 113. Оп. 28. Д. 105.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 60. Л. 2 об. Причины отторжения неизвестны, но приведенный довод не согласуется с дальнейшей судьбой Шнауберта. Положение приглашенного в корпорацию без рекомендаций ее членов, было неустойчиво. Со временем оно настолько ухудшилось, что профессор подал рапорт об увольнении, мотивируя его болезнью жены и даже не смог получить поддержку коллег в том, чтобы добиться себе при увольнении годичного жалованья. Денежное пособие ему не было положено по законодательству, но при аналогичных обстоятельствах оно неоднократно давалось профессорам и на меньших основаниях, если просьба поддерживалась мнением всей корпорации (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 60. Лл. 7–7 об.).

¹⁶ Там же. Л. 3.

ноября 1806 года Гамперле доносил Потоцкому, «что он [Дегуров. – Т. К.] агент французский, что был таковым 11-ть лет тому назад; называл его одним из наикровожаднейших и искусных революционеров; показывал сообщество его в Гамбурге с беглыми ирландцами, которые снабжали оружием своих соотчичей, доставая оное от французов для возмущения сего острова противу Англии <...> и, наконец, большия издержки, не соответствующие его состоянию»¹⁷. Этот донос вызвал уголовное разбирательство, по итогам которого министр народного просвещения граф П. В. Завадовский писал: «Рассмотрев препровожденное ко мне Комитетом следственное дело, произведенное по доносу Харьковского Университета Адъюнкта Камперле и других на француза Дюгура, при сем мною возвращаемое, я нахожу, что Адъюнкт Камперле и Фехтмейтер Сивокт, как *люди беспокойные*¹⁸ и главные донощики, не доказавшие своих показаний на Дюгура, не могут быть терпимы в словесии Университета, где благонравие наставников должно быть примером для учащихся»¹⁹. Таким образом, Гамперле не только не достиг желаемой цели, но и понес наказание за свой донос в виде увольнения.

Появление в обосновании Завадовского необходимости отставки Гамперле и Сивокта словосочетания «беспокойные люди» отнюдь не случайно. Оно часто повторяется в текстах профессоров и попечителей, и, по-видимому, имело особое значение для Завадовского и, сменившего его на посту министра Разумовского, как своеобразная «метка» в тексте, свидетельствующая о необходимости отправить в отставку означенных чиновников. Это показывают следующие примеры.

Поводом к осуждению профессора Харьковского университета Ф. В. Пильгера стало неудачное лечение нескольких пациентов, но необходимость отправить его в отставку сформулирована в объяснении правления университета министру. Оно желало «освободить Университет от сего ничем не занимающегося при Университете, но только *обезпокаивающего* его человека»²⁰. Разобравшись в ситуации, Разумовский разрешил противоречия путем кадровой перестановки²¹. Яркий пример действия риторики профессоров на Разумовского – дело ректора Харь-

¹⁷ Там же. Д. 59 б, л. 11.

¹⁸ Здесь и далее курсивом выделено мной. – Т. К.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 59 б, л. 16.

²⁰ Там же. Д. 81. Лл. 106 об., 105.

²¹ Профессор Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии И. Д. Книгин был перемещен на кафедру в Харьков, а профессор Харьковского университета Пильгер, напротив, в медико-хирургическую академию (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 128).

ковского университета А. И. Стойковича. Многим членам совета было известно, что Стойкович занимается торговлей. Как выяснилось в ходе разбирательства, он не только беспощинно, пользуясь правами профессора, ввез в Россию значительные партии товаров (не все из них были разрешены к ввозу в Россию), но и, пользуясь личными связями, организовал их розничную продажу через учителей учебного округа. Все это, однако, совершенно игнорировалось министром Разумовским, даже когда адъюнкт Е. А. Васильев подал в совет жалобу на Стойковича с подробным описанием торговой деятельности последнего, и правление университета представило его Разумовскому.

Известно несколько писем, которые, по-видимому, и решили дело в пользу увольнения. Первым по времени возникновения (3 мая 1813 г.) стало письмо, в котором профессор И. Е. Шад писал Разумовскому: «Заседания Совета становятся все *беспокойнее*. <...> Происходят заседания столь *буйные*, что едва можно слышать собственные слова свои, а чтоб быть выслушану и выразумлену от других, то надобно кричать против всякой *благопристойности*. Два ректорства сего человека, из коих одно в 1807, а другое 1811, ознаменованы зловредными *спорами*, насильствиями и преступлениями. Кроме сих несчастных лет, в заседаниях Совета царствовали *порядок*, *достоинство* и общее стремление ко благу и чести Университета, а между Профессорами *мир и доброе согласие*»²². Пытаясь оказать более сильное воздействие на Разумовского, Шад указывает на то, что волнения в совете могут приобрести политическую окраску, так описывая одну из разыгравшихся сцен: «Заседание сие было столь *шумно*, что может быть подобное сего могло случиться только в бывшем до сего народном собрании в Париже. <...> При сем *шумном споре партий*, сказал один из членов Совета: “Истинно это народное собрание”. Слова сии подали мне случай к сему сказать: “Действительно так, во время президентства Робеспьера было такое народное собрание”. – Но я сим не иное что хотел сказать, как только то, что когда сей человек был Президентом народного в Париже собрания, то все происходило чрез *интриги*, *партии* и *волнение страстей*, и что подобное сему есть и теперь при управлении Ректорством Профессора Стойковича»²³. Этого оказалось недостаточно. Шад был известен министру беспокойным характером и обвинительными речами, на которые жаловались другие профессора. Задуматься, однако, заставило письмо профессора И. Д. Книгина, который 1 июня писал, что Харьковскому уни-

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 192. Лл. 22–23.

²³ Там же. Лл. 23–23 об.

верситету необходимо «избавление от человека, заглушившего свою совесть и поклявшегося быть вечным врагом *тишины*, чести, справедливости и всякого добра, кроме собственного интереса»²⁴.

Наконец, 23 июня 1813 г. Разумовскому было отправлено коллективное обращение профессоров, в котором, описав суть дела, министра склоняли к решению об отставке ректора: «С того времени Ректором и его приверженцами подаваемы были самые вздорные Советы, мнения и поправки, *растраивавшие совершенно порядок и спокойствие*, грозившие *переворотом* самому Университету <...> *мир и согласие* в университете никаким образом не могут быть восстановлены покуда сей Ректор останется здесь»²⁵. После этого Разумовский организовал увольнение Стойковича из университета, формально состоявшееся по собственному желанию и мотивированное проблемой со здоровьем.

Разумовскому была чрезвычайно близка риторика об «интригах» и «мире и согласии», хотя сам он предпочитал использовать оппозицию «распри» и «единодушие». Характерно письмо, которое он прислал в 1814 г. в совет Харьковского университета: «Усматриваю я, что между членами Совета водворились по-прежнему *распри*; что Совет продолжает заниматься *пустыми прениями* о предметах, весьма маловажных, и что не существует в нем *единодушия*, от которого зависит цветущее состояние <...> Университета. <...> Обязан я присовокупить, что если за всеми убеждениями моими, продолжаться будут впредь *распри* в Университете; то зачинщика оных не премину я обратить к порядку, и неприятностям, какие с таковым встретятся, сам он причиною будет»²⁶. Таким образом, дискурс, выстроенный на оппозиции «тишины» и «беспокойства», возник не из конкретной ситуации в совете университета, а как реакция на установки министров Завадовского и Разумовского.

Это становится явным при рассмотрении текстов профессоров Казанского университета. В нем конфликт развивался между директором университета и гимназии, профессором И. Ф. Яковкиным, злоупотреблявшим безграничным доверием попечителя, и членами совета²⁷. Уже в

²⁴ Там же. Паг. 2. Л. 5 об.

²⁵ Там же. Лл. 12, 13. Обращение к министру было «с покорнейшею просьбою, об освобождении нас от него» подписано П. Шумлянским, Т. Осиповским, И. Шагом, Х. Роммелем, И. Каменским, И. Книгиным и И. Срезневским. К. Нельдехен подписал его так: «Желает только, чтобы водворено было *согласие* в Университете, и чтобы *спокойно* мог он отправлять свою должность».

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 218. Лл. 1, 15–16.

²⁷ С 1804 по 1814 г. университет в Казани был соединен с гимназией, получая постепенно все большее значение. Попечитель Румовский в своих письмах к совету

1805 г. против Яковкина в совете выступили старейший по времени назначения профессор П.-Д.-Ф. Цеплин и старший учитель немецкого языка о. Гавриил Данков, бывший духовник великой княгини Елены Павловны, включенный попечителем в состав совета. Они настаивали на упорядочении ведения дел в совете, введении в действие университетского устава, что подразумевало увеличение полномочий совета. Интересно, что в письме от 24 апреля 1805 г. Румовский, справедливо увидевший в их предложениях проявление недоверия директору, советовал им «и впредь подавать собою пример и советы, служащие к сохранению тишины, согласия и пользы гимназии»²⁸. Несколько позже он писал М. Г. Герману в ответ на составленное профессорами Германом и Цеплиным «Положение о совете»: «Я заключаю, что между членами совета находятся несколько *беспокойных* умов, помышляющих больше о возбуждении споров и ссор, чем об исполнении своих обязанностей и, если это продолжится, то моя обязанность будет <...> принять соответствующие меры, чтобы избавиться от этих людей»²⁹.

Проговоренная попечителем идея тишины и согласия в совете представляла собой важную для Румовского цель, чего не могли не заметить профессора³⁰. Не только Яковкин в своих письмах стал использовать предложенный попечителем конструкт, но и о. Данков, испугавшись недовольства попечителя, написал донос на коллег-профессоров, где описывал их «надменные о правах совета высокоглаголения» и, что особенно интересно для нас, «непристойные крики и шум»³¹.

В следующем году в борьбу против Яковкина вступил профессор Каменский. Он писал попечителю 10 июля 1806 г.: «Совет, смотря с сожалением на все сии *беспорядки*, почитал, однакож, за лучшее уступать обстоятельствам времени, что бы без пользы *не делать шуму* <...> Неудовольствия членов возрастают, грубости чувствуются всеми, тоны какого-то неограниченного ректорства становятся оскорбительными.

намеренно именует его советом гимназии, что позволяло ему игнорировать статьи 1804 г. о самоуправлении профессорской корпорации.

²⁸ Загоскин. Т. 1. 1902. С. 99.

²⁹ Там же. С. 155.

³⁰ Этот идеал попечитель проговаривал и при назначении профессоров. Отправляя в 1805 г. М. Г. Германа в Казанский университет, утомленный конфликтными ситуациями в совете университета, он так охарактеризовал нового профессора: «Он человек пожилой и сколько я мог приметить *тихой*» (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 104. Л. 13). И в представлении министру Разумовскому Румовский отметил, что Герман «человек пожилой, женатой, *тихого нрава*» (РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 26. Л. 1).

³¹ Загоскин. Т. 1. 1902. С. 151.

Человек с обыкновенными способностями, не выдавший организма университетов, отставший от книг – имеет, однако ж, столько дерзости, что бы говорить: “Я того и того могу сделать счастливым или несчастливым”, “моя мысль есть мысль попечителя”³². Слова Каменского, однако, не достигли цели, так как превышение полномочий не считалось попечителем чем-то несовместимым с должностью профессора. В то же время Каменский, по-видимому, не без пояснений ситуации в письмах Яковкина, оказывался в глазах Румовского человеком беспокойного нрава, преступивший правила приличия³³.

Чем больше обращались к попечителю и выступали в совете против Яковкина профессора и преподаватели университета, тем больше Румовский убеждался в их беспокойном поведении и нраве. Наконец, 25 октября попечитель попросил у Завадовского разрешения: «Для восстановления на будущее время *тишины и повиновения*, адъюнкта Карташевского <...> за оказанное начальнику послушание – удалить от гимназии; равномерно и профессора Каменского <...> а в рассуждение единомышленников их, профессоров Цеплина, Германа и адъюнкта Запольского, предписать директору Яковкину, чтобы он в полном совете собрания сделал им за *оказанное начальнику послушание* выговор и от лица вашего сиятельства им объявил, что ежели кто их них <...> отважится презирать приказания начальника и криком своим *нарушать будет тишину собраний* – то он удален будет от гимназии»³⁴. 14 ноября 1806 г. Завадовский предоставил ему право уволить «главных виновников неустройства: профессора Каменского, адъюнкта Карташевского и других им подобных», чтобы «прекратить существующие в совете казанской гимназии *беспорядки* <...> обуздать *непослушание* и тем отвратить вредное влияние их примеров»³⁵. Вследствие этого без объяснения причин были уволены И. П. Каменский и адъюнкт Г. И. Карташевский. Профессорам Цеплину, Герману и адъюнкту И. И. Запольскому было временно запрещено участвовать в заседаниях совета. Но на этом история не закончилась. 19 января 1807 г. Румовский прислал Завадовскому

³² Там же. С. 173–174.

³³ В ответном письме Каменскому от 7 августа 1806 г. Румовский писал: «Вы судите о директоре, называя его человеком с обыкновенными способностями, не выдавшим организма университетов и отставшим от книг. Не говоря о том, приличен ли сей ваш суд, не думаете ли вы, чтоб начальник имел слабость поверить, ежели бы кому-нибудь на ум пришло дать об вас подобный аттестат?» (*Загоскин*. Т. 1. 1902. С. 175).

³⁴ *Загоскин*. 1902. С. 188.

³⁵ Там же. С. 188–189.

новое представление: «Чтоб доставить совету *спокойствие* и на будущее время, не вижу я никакого средства, как удалить вовсе и Цеплина от университета <...> как человека *строптивого* и *покой ненавидящего*»³⁶. Министр утвердил увольнение, но ситуация потребовала дополнительных объяснений от Румовского, который 6 июня 1807 г., доказывая министру справедливость произведенных им увольнений, ясно обозначил цель увольнения: «Г. Стерль писал ко мне что в совете по крайней мере *тишина и спокойствие* водворяются»³⁷.

Столь частое повторение в переписке Румовского с казанскими профессорами риторической аргументации, в основе которой лежала оппозиция «спокойствие» – «беспокойство», можно было бы отнести на счет предложенной Румовским модели в дискуссиях о положении совета 1805–1807 гг. Тем более интересно, что в рамках этой же оппозиции выстраивает свою риторику профессор Казанского университета Ф. К. Броннер, который прибыл в Казанский университет значительно позже, в октябре 1810 года. 16 сентября 1811 г. он обратился по поводу очередных несогласий в совете с жалобой на Яковкина к Разумовскому, где писал: «Позвольте мне выразить сожаление по поводу участи моих добрых товарищей, которые, будучи людьми самыми *миролюбивыми*, подвергаются опасности прослыть за людей *беспокойных*»³⁸. В то же время он писал Румовскому: «Ваше превосходительство можете пребывать уверенным, что никто из профессоров не покушается *на спокойствие* в университете, что здесь нет никаких *интриг* <...> Дело доходит до положения вещей, которое едва ли может быть вами одобрено: некоторые члены совета не смеют заявлять своих мнений в заседаниях, опасаясь попасть в число людей *беспокойных*»³⁹.

Можно констатировать, в текстах профессоров как Харьковского, так и Казанского университета просматривается наличие единой риторики, основанной на оппозиции концептов тишины и беспокойства. Именно описывая через нее качества сочлена, профессора достигают желаемого увольнения коллеги в период с 1804 по 1816 гг.

Об употреблении подобной риторики в Московском университете известно мало, хотя попечитель П. И. Голенищев-Кутузов, совершенно иначе обосновывая ряд увольнений профессоров в 1810–1811 гг., отдал должное риторическим формулам, принятым в министерстве. Увольняя

³⁶ Там же. С. 192.

³⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 1. Лл. 7–7 об.

³⁸ Загоскин. 1902. С. 387.

³⁹ Там же. С. 382.

З. А. Горюшкина, он писал: «По обязанности моей присутствовал неоднократно при лекции прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской Империи <...> замечено мною, что <...> слушатели, потеряв напрасно время, выходят из его аудитории неудовлетворенными, ненаставленными и даже его преподаванием *недовольными*»⁴⁰. Попечитель указывает, что источником беспокойства могут стать студенты университета, если не принять должных мер к отставке профессора.

Кардинальные изменения в риторике участников процесса увольнения профессоров появляются с назначением министром народного просвещения обер-прокурора Синода А. Н. Голицына (1816–1824 г.). Они ярко проявились при увольнении из Харьковского университета профессора И. Е. Шада, дело которого было начато еще Разумовским, и решено Голицыным сразу же после занятия им министерского поста. Дело Шада обросло затем таким количеством текстов о скандальном увольнении, что его обстоятельства требуют некоторых пояснений.

В указании на наличие сложностей во взаимоотношениях Шада с сочленами корпорации сходятся как мемуаристы, так и исследователи. Профессор Х. Ф. Роммель писал: «Держа оппозицию против старых Русских Профессоров, он давал слишком много воли своему языку...», а исследователь А. Н. Лавровский, дискутируя с Роммелем по вопросу о качестве этих несогласий, указывает: «В Харьковском Университете Шад действительно вел почти непрерывную и ожесточенную борьбу с Членами Совета и далеко не с одними старыми русскими Профессорами, как говорит Роммель, а не редко и с своими земляками»⁴¹.

Шад был профессором Харьковского университета с 1804 г. Он прекрасно владел латынью, чем могли похвастаться далеко не все харьковские профессора, и это давало ему преимущество в прениях в университетском совете. В 1805 г. он избирался деканом отделения нравственных и политических наук. Постепенно, однако, Шад испортил отношения почти со всеми членами корпорации профессоров. Издавая перевод Ломонда «О великих римлянах», он без ведома совета и цензуры поместил в нем предупреждение, послужившее поводом для нареканий Разумовского, высказанных всему совету⁴². В своих работах и даже во время прочтения публичной речи 1814 г. Шад позволял себе некорректные высказывания на счет французов, что вызывало неприятие не только профессора-француза Дегурова, но и других профессо-

⁴⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 146. Л. 1.

⁴¹ Цит. по: *Лавровский*. 1873. С. 39.

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 276а. Лл. 15–16.

ров, включая ректора Т. Ф. Осиповского⁴³. Членов совета возмутило поведение Шада при подготовке им к защите двух докторов, Гриневича и П. А. Ковалевского (он исправил стиль и ошибки, докторская диссертация самого Шада послужила основным источником их)⁴⁴. Разумовский неоднократно предлагал Потоцкому уволить Шада, но попечитель медлил; о причине он объяснил уже Голицыну: «Отрешение его, не послужит ли ему поводом к помещению для своего оправдания замечаний и жалоб во всех иностранных журналах, которые бы могли усугубить нерасположение иностранных ученых поступать в нашу службу?»⁴⁵.

Наибольший интерес для нас представляют изменения оправдательно-обвинительной риторики Шада, последовавшие в связи со сменой министра. 15 февраля 1816 г. он писал Разумовскому: «Дела Университета приняли с некоторого времени противное постановлениям направление, по беспорядкам, какие начинают происходить со стороны Профессора Дегурова <...> Следовательно к защите моей невинности мне не остается иного средства, как избегать собрания, в котором *противозаконности* еще продолжают, до тех пор, пока властью Вашего Сиятельства не восстановится прежний *порядок* и законные постановления не примут своего действия. <...> Профессора: Дегуров, Каменский, Шумлянский и Успенский подняли такой шум, что не принимали от меня ни какого, ни словесного, ни письменного объяснения. Наконец, когда я сослался на закон, по которому должно было меня выслушать, то кончилось тем, что прекращено присутствие»⁴⁶.

В письме Голицыну, написанном сразу после назначения последнего (ноябрь 1816 г.), Шад пытается описать действия Дегурова и других профессоров в риторике заговора, тонко играет на популярных в столице идеях высшего суда, подводя министра к мысли о необходимо-

⁴³ Там же. Лл. 160 об. – 161.

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 276а. Л. 27 об. Шад участие в «исправлении» диссертаций П. Ковалевского и И. Гриневича представлял как нормальную практику, распространенную в немецких университетах. В письме А. К. Разумовскому от 15 февраля 1816 г. он писал: «На немецких университетах большею частью пишутся диссертации самими профессорами, а от студентов требуется только, чтоб они умели их на публичных диспутах надлежащим образом защищать» (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 275. Лл. 8–8 об.).

⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 275. Л. 22–22 об. Потоцкий совершенно верно угадал направление деятельности Шада за границей. После увольнения он, действительно, опубликовал ряд статей в европейских изданиях и способствовал распространению негативных слухов о русских университетах. Подробно об этом см.: Багалей. 1899. С. 41–48.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 275. Лл. 4–4 об., 6–6 об.

сти осуществить им самим, Голицыным, высший справедливый суд уже на земле: «С самого начала, как Профессор Дегуров начал этот спор, подавал я в Совет, одно за другим четыре прошения, в которых показывал несправедливость поступков Профессора Дегурова и его прислужников или *сообщников* <...> Рейт требовал, чтобы представление его внесено было в Протокол Совета и вместе с Описанием Каменского отправлено в Петербург. Однако же <...> хотели непременно, чтобы истина никак *не могла открыться* и сделаться известною в Петербурге. <...> Философия моя считает за величайшее преступление распространение французского заразительного духа между российскими воспитанниками; напротив, она, письменно и словесно, старается о распространении *веры, нравственности, любви к отечеству* и усердия к общему благосостоянию. <...> С полной доверенностью явлюсь пред престолом создателя, где не будет уже лицепрятия, ни лести, ни обмана, ни злобы, но где принимаема будет одна истинна, добродетель и справедливость; где Бог осушает слезы с очей верующих в него; где не слышно уже будет ни вздыханий, ни стонов *притесненной невинности* и заслуги попираемой»⁴⁷.

Это письмо уже не могло помочь Шаду. По его делу на момент получения письма Голицыным в Комитете министров уже было принято решение: «Удалив его немедленно от должности выслать за границу», однако, оно показывает владение Шадом риторикой, свойственной самому Голицыну. Вполне допустимо, что она восходит в своей традиции к идеям О. Баррюэля, влияние которого на выработку идеологии в России после 1805 г. раскрыл А. Л. Зорин в работе «Кормя двуглавого орла...»⁴⁸. Как Баррюэль считал, что Французская революция стала результатом тройного заговора, «софистов безбожия», «софистов возмущения» и «софистов безначалия», так в министерство Голицына начался поиск этих заговорщиков среди профессоров русских университетов, что отразилось, в том числе, и на риторике увольнения.

Помимо дискурса о вере (о его использовании уже писали исследователи⁴⁹) основными мотивами риторики становятся при Голицыне подчинение начальству и покорность. Например, правление Казанского университета в 1819 г. объяснило адъонкту А. И. Лобачевскому, что главнейшее украшение нравственности чиновников, к каковым относились и профессора университета, есть «*любовь к покорности*»⁵⁰. По-

⁴⁷ Там же. Д. 276а. Лл. 28 об. – 29 об.

⁴⁸ Зорин. 2001. С. 202–206.

⁴⁹ Ильина. 2006. С. 116–122.

⁵⁰ НАРТ. Ф. 977, оп. Правление. Д. 347. Л. 429.

сколькx брат Н. И. Лобачевского не обладал этим качеством, он так и не смог стать профессором.

Концепт о беспокойных профессорах развивается при Голицыне в представление об их строптивости. Независимый характер профессора при высказываниях, маркируемых начальством как «дерзкие», становится поводом для его удаления. Например, исполняющий обязанности попечителя Петербургского учебного округа Д. П. Рунич так представил к увольнению профессора М. Г. Плисова в марте 1822 г.: «Из всех обнаруженных поступков его усматриваю тот же дух *стропливой непокорности, пререкания и не уважения к Начальству*, какой замечен Вашим Сиятельством в его объяснении, тот же образ мыслей, доказывающий его *неблагонадежность* к преподаванию наук Политических, – и, наконец, ту же самую *дерзость*, каковую оказал в Гимназии»⁵¹.

Публичные акции, совершенные ревизором, а затем попечителем М. Л. Магницким в Казанском университете (массовое увольнение профессоров, публичный суд над профессором Солнцевым) имели целью «очищение и *усмирение* личного состава университета», на что указывали уже современники Магницкого⁵². Причем новым было видение «усмирения». Если ранее его видели как установление мира в корпорации, то теперь – отсутствие в ней любого противодействия начальству. Приведа корпорацию в состояние беспрекословного подчинения, попечители Магницкий и Рунич действовали при Голицыне совершенно волюнтаристски по отношению к кадровому вопросу.

Так, профессора Казанского университета не желали принимать в корпорацию В. Ф. Берви, но вынуждены были соотносить свои желания с давлением, которое оказывалось на совет. «Не видя в сочинении г. Берви тех сведений, кои необходимы для человека, должнствующего безукоризненно носить на себе звание профессора» профессора вынуждены были констатировать: «Совету известно, что Г. Берви по его сведениям, и по другим достоинствам весьма одобряется такими лицами, которых отзыв заслуживает большого уважения, и <...> Совет желает в особенности *быть осторожным в своих отказах*»⁵³. Как и предполагали профессора, назначение Берви состоялось.

Поскольку такое поведение попечителей вызывало критику, Магницкий и Рунич стремились оформить производившиеся ими отставки как желания корпорации. В 1822 г. Магницким был организован пуб-

⁵¹ Маяковский, Николаев. 1919. С. 222.

⁵² Цит. по: ОР РНБ. Ф. 859 Шильдер. К. 34. С. 248.

⁵³ НАРТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 216. Л. 3 об. – 4.

личный суд над профессором Казанского университета, бывшим ректором Г. И. Солнцевым, за то, что он, по словам Магницкого «переменил самовольно и без ведома Совета утвержденное мною расписание учебных для Университета предметов с тем, чтобы науку Естественного Права сделать, *вопреки моему распоряжению*, общию всем отделениям»⁵⁴. При этом Магницкий очень хотел придать увольнению вид осуждения увольняемого корпорацией. Он прямо писал об этом 1 июля 1821 г. Голицыну: «Мне казалось бы приличным предать сии поступки его на суд самого Университета, в общем собрании Совета и Правления». Причем пользу этого распоряжения он видел и в том, что «осуждение Солнцева сословием ученых, из товарищей его состоящих, не могло бы иметь вида притеснения и поступка насильственного»⁵⁵.

Эти же мотивы двигали Магницким и Руничем при организации суда в Петербургском университете над профессорами К. Ф. Германом, Э.-В.-С. Раупахом, А. И. Галичем и К. И. Арсеньевым⁵⁶. Материалы суда интересны тем, что профессора вынуждены были высказывать свое мнение по поводу увольняемых коллег. Но при использовании этих текстов необходимо учитывать давление, которому они подвергались. Известно, что Рунич активно пользовался во время суда правом «превратить совещание в вопросы, дабы сим средством направить мнения к должной цели»⁵⁷.

Профессорам и адъюнктам, желавшим осудить коллег, довольно легко было риторически оформить свою мысль. Лучше всего ее выразил адъюнкт Н. П. Щеглов, который сказал, что Раупах «поведением своим показал пример *соблазнительного и не терпимого неповиновения власти*»⁵⁸. Сложнее было попытаться оправдать коллег или отстраниться от их осуждения. Интересны высказывания адъюнкта Д. П. Попова, который, выгораживая профессора Германа, объявил, что «*тихий нрав и скромность* изьявленная в ответах Г. Германом, подает большую наде-

⁵⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 12. Л. 3.

⁵⁵ Там же. Л. 4.

⁵⁶ Участие Магницкого в организации суда над петербургскими профессорами не вызывает сомнений. Н. П. Загоскин писал: «Магницкий, расписывая перед министром А. С. Шишковым все свои заслуги, ставит на вид, что он «обличил схваченные в петербургском университете тетради Раупаха, Германа и других», в чем ему ревностно содействовали, «трудясь день и ночь», казанские профессора Симонов и Лобачевский» (*Загоскин*. Т. 4. 1904. С. 289). Доказательства участия в деле Симонова и Лобачевского см. РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 373. Лл. 134, 139.

⁵⁷ Маяковский, Николаев. 1919. С. 186.

⁵⁸ Там же. С. 189.

жду к исправлению»⁵⁹. И профессора Ф. Б. Грефе, который, отстраняясь от прямого ответа на вопрос о вреде книги Арсеньева, заметил: «Судя по выпискам вредны, но я не знаю ни науки ни книги»⁶⁰. Отметим, что в словах Грефе появляется аргументация, которая исходит из научных практик оценки деятельности профессора. Этот же мотив появляется в словах профессора Балугьянского, который, защищая Арсеньева, сказал, что «по отличным дарованиям Г. Арсеньева и по объявлению его в своем ответе, что он не с намерением преподавал отвергнутые начальством правила, полагаю сохранить его в Университете»⁶¹.

Профессор Ф. Б. Шармуа попытался отстраниться от участия в заседании, написав: «Как вопросы, сделанные Исправляющим должность Попечителя, не находятся в предписании Господина Министра, то он и не почитает себя в праве на оные отвечать»⁶². В результате, Шармуа сам оказался в роли обвиняемого. Рунич заявил, что «находит оное противным всякому законному порядку и коренным Государственным постановлениям, предоставляющим Президенту всякого присутственного места право предлагать на общее рассуждение вопросы к пояснению дела нужные; а потому дерзкой и противузаконный поступок Шармуа <...> предложил <...> на суждение общего Собрания Университета»⁶³. Утвержденный во время процесса в должности экстраординарного профессора Щеглов, с которым согласились адъюнкты Т. О. Рогов и Попов писал о поступке Шармуа: «Поступок Г. Шармуа *недозволен и нетерпим* по законам и никак не может быть приписан неосторожности»⁶⁴. А профессор П. Д. Лодий написал, что «Шармуа <...> обнаружил тем свой непостоянный и *противоборствующий* характер»⁶⁵. Таким образом, из материалов суда в Петербургском университете видно, какое значение приобретает в текстах профессоров под давлением министерства риторика о противоборстве и неповиновении.

Возвращаясь к желанию Магницкого организовать осуждение коллег, добавлю, что даже в случаях, когда дело об отставке производилось без участия профессоров, он пытался представить их Голицыну, а после – министру А. С. Шишкову как участников увольнения, «пострадавших» от отставленного им единолично профессора, или же искусственно сделать

⁵⁹ Там же. С. 188–189.

⁶⁰ Там же. С. 202.

⁶¹ Там же. С. 203.

⁶² Там же. С. 206–207.

⁶³ Там же. С. 207.

⁶⁴ Там же. С. 212.

⁶⁵ Там же. С. 214.

их участниками увольнения. Это хорошо видно на примере скандальных увольнений из Казанского университета профессоров А. К. Жобара и М. А. Пальмина. Поскольку оба эти увольнения вызвали судебные разбирательства, то в делах о них сохранились профессорские тексты с риторикой об увольнении. Рассмотрим их подробнее.

О деятельности Жобара до назначения профессором в Казанский университет можно сказать, что он отличался искательностью перед начальством, что обеспечивало ему как неоправданно большие выгоды по службе, так и, зачастую, неприязненное отношение коллег⁶⁶. Сумев поразить Магницкого своей популярностью в петербургской среде, высоким жалованьем и «знаком», ниспосланным свыше⁶⁷, не утвержденный даже учителем Смольного института репетитор Жобар получил исключительное положение среди профессоров Казанского университета, которое вызывало настороженное отношение и зависть коллег⁶⁸. Тем не менее, к 1823 г. у Жобара были хорошие отношения с частью профессорского коллектива, и он даже находил определенную поддержку⁶⁹.

Проблемы начались, когда Жобар был назначен ревизором (должность, сопряженная с определенной властью) в Астрахань, где он действовал неадекватно ситуации⁷⁰. Назначение плохо повлияло на характер

⁶⁶ О проблемах с коллегами по Смольному институту Жобар писал родителям в 1821 г. (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Ед. хр. 879. Л. 1 об. – 2. Благодарю А. А. Костина за выполненный им перевод источника с французского языка).

⁶⁷ По слухам, передаваемым в среде университетских профессоров, Жобар в один вечер схватил со стола Г. Магницкого Библию, раскрыл будто наудачу, и прочел: «греди во Иерусалим», после чего решил ехать в Казань (Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 124/7. Л. 78–78 об.).

⁶⁸ Магницкий уговорил Жобара поехать профессором в Казань, обещая ему 6000 рублей жалованья, что составляло три оклада обычного профессора, и только опасения Голицына вызвать неудовольствие Александра I превратили эти 6000 в 4500 руб., из которых 500 руб. составляли квартирные деньги. Но и такое, полное по обоим занимаемым кафедрам жалованье, противоречило практике и ставило Жобара в исключительное положение в университете. Другим профессорам приходилось брать на себя затратные по времени и силам должности в университете, чтобы получать хотя бы 3600–3800 руб. в год. Жобар представлялся коллегам «благодетельствованным сверх меры» (Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 124/7. Л. 79).

⁶⁹ На выборах ректора 5-го мая 1823 г. за Жобара проголосовало 6 профессоров, как и за Н. И. Лобачевского. Большого удостоились только К. Ф. Фукс (8 избирательных шаров) и Г. Б. Никольский (9 шаров), который и сохранил за собой звание ректора (Загоскин. Т. 4. 1904. С. 313).

⁷⁰ Вместо проведения стандартного осмотра с целью проинформировать училищный комитет и попечителя о состоянии училищ на местах Жобар добился увольнения директора училищ Маркова, устроил публичные телесные наказания воспитанникам и привлек к ревизии полицию (Там же. С. 234).

Жобара, или, возможно даже, на его не вполне уравновешенное психическое состояние, на что указывали позднее некоторые его коллеги и Магницкий. Дотошный исследователь истории первых лет Казанского университета Н. П. Загоскин подробно описал, как из-за заносчивости Жобара были испорчены его отношения с П. С. Сергеевым, Э. И. Эйхвальдом и Ф. И. Эрдманом, как постепенно он стал в оппозицию к директору Г. Б. Никольскому и ректору К. Ф. Фуксу⁷¹.

30 апреля 1824 г. по указанию Магницкого в Казанском университете начала действовать комиссия «для исследования поступков профессора Жобара, жалоб его и изветов его»⁷². Рассмотрение дела затягивалось, и Жобар, по собственному желанию, которое поддержал Магницкий, отправился в Петербург «для объяснения Его Превосходительству разных его жалоб»⁷³, где Магницкий не принял его, объяснив позже свои действия тем, что имел «убеждение в расстройстве умственных способностей *беспокойного* казанского профессора»⁷⁴. Вместо этого попечитель подготовил представление об увольнении Жобара министру А. С. Шишкову, но Жобар опередил попечителя и лично подал прошение об отставке.

Интересно, что, добившись увольнения Жобара, Магницкий пошел дальше в стремлении отомстить ему за неоправданное доверие. По его указанию Жобару выдали недействительные документы (без одобрения поведения). После же требования Шишкова о выдаче нормальных актов, Жобару, с подачи Магницкого, осенью 1825 г. были даны документы, где означено: «В последний год служения своего показывал *грубость и наглости перед директором и ректором*», «писал дерзкие

⁷¹ Загоскин. Т. 4. 1904. С. 381–393. Несмотря на имеющиеся конфликты, Жобар не «выживался» членами корпорации, а был уволен Магницким. Об этом свидетельствует Н. И. Лобачевский в письме бывшему попечителю Казанского учебного округа М. А. Салтыкову от 5 декабря 1829 г.: «Более других были ему [Магницкому. – Т. К.] обязаны благодарностию Жобар и некто В<ладимирски>й. Первого он сделал из ничего и ни за что Профессором, и другого избавил от тюрьмы. Два эти человека и третий П<альмин>ь были друзьями. Когда они слышали, что шастливое время их покровителя уже прошло, стали они платить ему злом за добро. Магницкий узнал об этом случайно. Одна барыня приходила к нему несколько раз жаловаться на В<ладимирского> за неуплату долга. Отказывал ее выслушать. Наконец, она просит передать, что напрасно защищает того, кто платит неблагодарностию. Г. Магницкий берет ее в карету, выслушивает ее дорогой. После сего начались гонения на Жобара» (Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Ед. хр. 124/7. Л. 79).

⁷² Загоскин. Т. 4. 1904. С. 393.

⁷³ НАРТ. Оп. Правление. Д. 965. Л. 1.

⁷⁴ Загоскин. Т. 4. 1904. С. 395.

выражения в бумагах», «заводил *распри и беспокойным нравом* своим делал иногда заседания совета *шумными*», и даже, что «однажды ректор принужден был прибегнуть к помощи университетской полиции»⁷⁵.

Аналогичным образом Магницкий спровоцировал конфликт корпорации с другим своим ставленником, профессором Пальминым, у которого (как и у Жобара, с которым он был дружен) сложились напряженные отношения с коллегами. Пальмин настроил против себя членов правления университета, когда по должности декана подал 22 декабря 1821 г. «особые мнения», касательно распоряжений о постройке университетских зданий⁷⁶. Неосновательность заявлений Жобара возмутила правление, и побудила непременно заседателя В. И. Тимьянского собрать 18 января 1822 г. особое заседание, где на них были сделаны возражения, что не было предусмотрено уставом и вызвало критику попечителя Магницкого⁷⁷. Аналогично особое мнение Пальмин подавал по делу о выборе адъюнкта латинского языка⁷⁸. Ректор университета, профессор Г. Б. Никольский, для «*общего блага* и сохранения *спокойствия*, которое могло быть нарушено *духом партий*, начинавших возникать в собрании Совета при суждениях», докладывал попечителю о несогласиях в правлении и совете, вызванных особыми мнениями Пальмина⁷⁹.

Описанные противоречия, однако, не были настолько сильными, чтобы большинство профессоров стали добиваться увольнения Пальмина. Приняв решение уволить его, Магницкий прикладывал определенные усилия к тому, чтобы вызвать в совете университета неприязнь к увольняемому, представляя в феврале 1826 г. совету, что «жалобы по сему делу Пальмина наполнены выражениями *дерзкими, оскорбительными для всего сословия Казанского Университета*»⁸⁰. Сам Пальмин позже так комментировал свое увольнение: «Ежели быть выгнану или выброшену из сословия значит тоже, что и быть вытеснену, то сие справедливо»⁸¹. Своим главным недоброжелателем Пальмин называл профессора П. С. Сергеева, который, действительно, был заинтересован в

⁷⁵ Цит. по: Загоскин. Т. 4. 1904. С. 395.

⁷⁶ Особое мнение мог подавать любой чиновник при коллегиальном решении дел, если он не был согласен с принятым мнением большинства, что для профессоров было оговорено Уставом 1804 г. Однако, в Казанском университете подача особых мнений не приветствовалась (НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1270. Лл. 1–2).

⁷⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 113. Л. 112.

⁷⁸ Там же. Л. 182–182 об.

⁷⁹ Там же. Лл. 182 об. – 183.

⁸⁰ Там же. Л. 213.

⁸¹ РГИА. Ф. 733. оп. 40. Д. 116. Л. 237.

увольнении Пальмина, чтобы занять освобождающуюся в таком случае кафедру философии⁸². Но столкновение произошло между Магницким, желавшим передать кафедру философии молодому Сергееву и Пальминым, который помимо основной для него кафедры философии, занимал кафедру дипломатики, и не считал возможным прожить с семьей на жалование, получаемое от одной кафедры. Накануне увольнения ректор К. Ф. Фукс писал Магницкому (слова даются в пересказе Пальмина), что «произошли несогласия между просителем [Пальминым. – Т. К.] и Сергеевым, и <...> проситель в *распрю* с ним показал характер *неблагодарный и наклонный к пронырству* <...> что необходимо нужно было бы попечителю утешить сию *распрю*»⁸³. Ко всему этому, прибавилось личное разочарование Магницкого в людях, им самим в университете приведенных (Жобаре, Пальмине и Владимирском), которых Магницкий решил убрать теми же средствами, которыми назначил на их должности, не учитывая мнения совета университета.

Оформляя увольнение Пальмина, Магницкий писал Шишкову: «Пальмин, давно замеченный человеком *нрава беспокойного*, был терпим в университете потому только, что обыкновенно *укрывал происки свои*, действуя за других. Начальство, хотя и знало сие, хотя по высочайше утвержденной инструкции и имело право удалить его как чиновника *беспокойного и нарушающего своими интригами доброе согласие университета*, но не хотело сделать сего без открытого обличения»⁸⁴. Он также писал, что Пальмин «впоследствии обнаружил *беспокойный дух, коварствовал в тайне* против бывшего директора Никольского, по зависти к его возвышению, ибо Пальмин и Никольский вместе обучались в бывшем С. Петербургском педагогическом институте, *враждовал* против бывшего инспектора студентов Барсова, бывшего профессора Тимьянского и адъюнкта Полиновского; сии поступки его известны весьма многим в университете служащим лицам и доходили до попечителя; сверх сего он *не спокойно держал себя в заседаниях совета и правления*»⁸⁵. Понимая, что времена изменились, и Шишкову не достаточно будет риторики раскрытого коварства, безотказно действовавшей на Голицына, Магницкий инициировал проверку деятельности Пальми-

⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 113. Л. 15 об. Следствие доказало незаконные действия Сергеева в отношении Пальмина, которые заключались либо в ложном доносе, либо в сознательном приведении в беспорядочное состояние дел архива (РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Лл. 180–181).

⁸³ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Лл. 62–62 об.

⁸⁴ Там же. Д. 113. Л. 131.

⁸⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Лл. 23 об. – 24.

на как секретаря совета и получил из совета университета желаемое мнение: «Члены Комитета для разбора архива университетского <...> заявили <...> что начатое приведение в порядок архивных дел г. Пальминым не dokonчено и дела остались в прежнем *расстройстве*. В бытность его секретарем совета Казанского Университета *расстроил дела онога* за 1819-й, 1820 и 1821 годы»⁸⁶. И, как и в случае с Жобаром, Магницкий, не удовлетворившись увольнением Пальмина «по собственному желанию», организовал выдачу ему негодных для дальнейшей службы документов. Из представления Магницкого видно, как неуверенно он чувствует себя в плане риторики, обращаясь к Шишкову. Он реанимировал приемы, бытовавшие в министерстве до Голицына, но ему не удалось найти общего языка с новым министром. Главное правление училищ пришло к выводу, «что все дело об увольнении Пальмина имеет вид *совершенного беспорядка*»⁸⁷. В результате судебного разбирательства был наказан как совет Казанского университета, так и Магницкий, в деле которого Пальмин и Жобар сыграли роль катализатора, непосредственно вызвав ревизию, порученную генерал-майору П. Ф. Желтухину и приведшую к отставке и высылке самого Магницкого.

Наконец, последняя попытка Магницкого представить дело об увольнении профессора как дело о бунте государственного значения в стенах Казанского университета относится уже к периоду после его отставки. Орудием Магницкого стал профессор Я. М. Караблинов, заинтересованный в освобождении для себя кафедры философии, в то время занятой П. С. Сергеевым. Обнаружив у студента Матюнина запрещенную книгу философии Круга, полученную им от профессора Сергеева, Караблинов удержал ее у себя и сделал главным доказательством выдвигаемых им обвинений, инициировав дело о «распространении возмутительных начал между студентами»⁸⁸. Стремясь вывести рассмотрение дела за пределы университета, он писал в объяснениях ректору Фуксу: «Дело <...> по смыслу Высочайше утвержденного устава ни мало не принадлежит к 143 § онаго, где говорится о личностях и ссорах между членами университета возникающих, оно, напротив, заключает в себе предмет особой важности, касается *общественной безопасности* и относится по Высочайше утвержденным инструкциям к обязанностям каждого члена университета, а по общей присяге, и каждого верноподданного Его Императорскому Величеству»⁸⁹.

⁸⁶ Там же. Л. 19.

⁸⁷ Там же. Д. 113. Л. 64 об.

⁸⁸ СПФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Ед хр. 91. Л. 11 об.

⁸⁹ Там же. Л. 11.

Весьма интересно рассмотреть противостояние между Караблиновым и Сергеевым на уровне риторики. При написании своих доносов, а позже объяснений Караблинов использовал риторику ушедшего в прошлое голицынского министерства. Например, во время расследования Караблинов показывал о своих действиях в 3-м лице: «Профессор Караблинов <...> оставался в некотором подозрении со стороны *беспокойного духа* у Г. Магницкаго до того времени пока не попалась в руки ему действительно *возмутительная* книга Круга, данная студентам на задание Профессором Сергеевым; пока Профес. Караблинов не остановил оной, пока не доставил Г. Магницкому и не указал в ей *возмутительных начал противу Бога Монархов, Церкви, Тронов и обществ*»⁹⁰. Действия Сергеева Караблинов описал следующими словами: «С письмом Караблинова бросился к Г. Магницкому в третий раз доказывать ему *беспокойство* характера Караблинова»⁹¹.

Но риторика заговора и бунта не подействовала на Шишкова, в отличие от Голицына, которому она была чрезвычайно близка⁹². Шишков в ответ инициировал разбирательство, в результате которого Сергеев был оправдан. Заслуживает внимания тот факт, что в «Объяснении ректора Казанского университета К. Фукса графу Гурьеву» от 22 декабря 1926 г. Фукс реанимирует риторику о беспокойном человеке и, одновременно, раскрывает подоплеку интриги: «Сергеев после троекратной жалобы Г. Магницкому <...> донес мне о личном оскорблении, причиненном ему Караблиновым запискою о *ложным обвинении, интриге и неблагопристойности* <...> Существо сего дела состоит не в том, чтобы Караблинов действительно хотел выказать *вредный дух* сочинения, но чтобы <...> открыть себе путь к занятию кафедры философии вместо Сергеева. <...> Караблинов всегда отличался *беспокойным характером*

⁹⁰ Там же. Л. 39 об.

⁹¹ Там же. Л. 39 об. Эти слова Караблинова отчасти подтверждает рассказ самого Сергеева, который «обратился приватно к источнику интриги Г-ну Магницкому, дабы обнаружить нелепость предпринимаемых действий и тем сам отклонить интригу. Но увидел, что замысел их обдуман и начат с неперменным желанием доказать чем либо, «что после нескольких месяцев отставки Попечителя является вывеска бунта на стенах университета» (Там же. Л. 25).

⁹² Примером употребления такой риторики Голицыным может служить следующий случай. Когда члены правления Казанского университета получили нареkanie от Магницкого за ведение журнала правления на дому директором, они обратились к Магницкому с опровержением и просьбой «дать знать Правлению кто донес о сем». Магницкий, возмущенный поступком правления, показал письмо Голицыну, на что министр назвал «сей возмутительный поступок правления заседанием Кортесов (кои в то время занимали Европу)» (РГИА, ф. 733, оп. 40, д. 113, л. 131 об.).

и употреблял разные *происки* <...> Справедливо следует заключить, что существо сего дела есть интрига Караблинова, а книга Круга употреблена, как средство увеличить важность и силу сей интриги»⁹³. Приведенный текст Фукса немало способствовал решению дела в пользу Сергеева. В нем ректор через риторические приемы показывает связь интриги Караблинова с дискурсом голицынского министерства. И, в частности, показывает искусственность создания государственных дел из личных раздоров профессоров.

По-видимому, участвуя в интриге Караблинова, Магницкий не увидел главных изменений, происходивших в правительственном курсе. Осознавая, что христианско-мистический курс себя исчерпал⁹⁴, Магницкий не смог понять, что с началом правления Николая I стало бессмысленно употреблять риторику заговора с его идеей всемирного противостояния добра и зла⁹⁵.

Сложно судить об изменениях, которые произошли с риторикой в министерство А. С. Шишкова (1824–1828), так как количество выявленных текстов профессоров этого времени, направленных на удаление сочленов, таких как приведенное выше объяснение Фукса, исчисляется единицами. Можно, однако, реконструировать направление в изменении риторики министерства, используя тексты самого Шишкова и попечителей. Так, она вполне проявилась в наставлении Шишкова попечителю Петербургского учебного округа К. М. Бороздину. В первую очередь министр просил обратить внимание «на *нравственное* направление преподаваний, наблюдая строго, чтобы в уроках Профессоров и учителей ничего колеблющего или *ослабляющего учение нашей веры не укрывалось*, чтобы во всех учебных заведениях учили Закону Божию <...> не вдаваясь в *лжемистику* и не увлекаясь бессмысленною *филантропиею*, наставляющею все ереси наряду с истинною христианскою верою». Этим Шишков маркирует отказ от мистических настроений голицынского министерства. При этом дальше он реанимирует риторику министерства Завадовского и Разумовского: «Чтобы между лицами, принадлежащими каждому учебному заведению, при надлежащем *повиновении* Начальству; *водворились мир и согласие*. Для сего тщательно избегать следует всякого повода к порождению между ими *взаимной вражды*, или *распри*; <...> чтобы между ими не были терпимы какие либо *гласные беспорядки*, лишаящие их уважения местных начальств и

⁹³ СПФ АРАН, ф. 100, оп. 1, ед хр. 91, лл. 35–36

⁹⁴ Вишленкова. 2003. С. 112–113.

⁹⁵ Зорин. 2001. С. 370.

доверенности родителей».⁹⁶ Так Шишков представлял себя собирателем всего лучшего, что вводили прежние министры на этом посту.

Произошедшие при Шишкове изменения в риторике увольнения иллюстрируют также материалы ревизии Московского университета, произведенной С. Г. Строгановым в 1826 г., когда некоторые профессора пытались избавиться от профессора И. И. Давыдова, выставляя его человеком вредным для юношества. Однако риторика об опасном человеке вызвала настороженное отношение Шишкова, и министр лично, письмом с грифом «секретно», обратился за разъяснениями о профессоре Давыдове к попечителю Писареву следующими словами: «Судя вообще о мнениях Давыдова, *если бы даже и преподавание его не было подозрительным*, уже одне его педагогические правила совершенно противоположные тем, которые принимаются основанием общественного воспитания, должны были бы воспрепятствовать доверению ему образования юношества»⁹⁷. Отметим, что Шишков уходит здесь от риторики Голицынского министерства о духе преподавания, заменяя его разговором об основах общественного воспитания.

Писарев ответил в письме от 11 июля 1826 г.: «Со стороны *нравственной* грех бы мне было, если бы я сказал, что я заметил в нем, что-либо противное оной во все время начальства; но не могу скрыть и того, что имея много недоброжелателей, молвою он очернен. Заботясь о подчиненных своих, вникал я и в сию молву и нашел, что она произошла от части от того, что, во первых, он, хотя младший из Профессоров, но имеет самое корыстное место: инспектора Пансиона <...>; во вторых, что он всеми *умственными своими способностями* силится опередить в познаниях товарищей своих, и даже старших своих учителей, которые *устали*, так сказать, *следовать за науками*, усевшись в своих местах как в поместьях своих; в третьих, может быть и *насмешливый его отзыв* о многих полуученых своих собратий – вот главные причины, как мне кажется, нареканий на него. Относительно *до его образа мыслей*, убеждений, разговоров, то, изучаясь всем наукам, он более может назваться педантом, нежели каким-либо вольнодумцем»⁹⁸. Таким образом, Писарев отказался от идеи осуждения Давыдова за дух преподавания и перевел дело в плоскость обсуждения интриг и личностей профессоров.

Как показывают тексты профессоров и попечителей, окончательный отказ от риторики вокруг нравственности и духа преподавания

⁹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 39. Лл. 1-3.

⁹⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 37. Л. 3 об.

⁹⁸ Там же. Лл. 14–15.

произошел в министерство князя К. А. Ливена (1828–1833). Это хорошо видно в представлении Бороздина об увольнении профессоров Толмачева и Пальмина из Петербургского университета (30 ноября 1831 г.): «Как тогда, так и теперь многое зависеть будет от лиц, составляющих ученое сословие Университета и заведывающих управлением онаго. Некоторые из них необходимо должны быть ныне же уволены и заменены *способнейшими*. Я не касаюсь духа их учения, ибо благодарение Богу <...> я доселе не находил в сем заведении ничего такого, что было бы *несогласно с святым учением Евангелия, или коренными постановлениями Государства*. Но при сем однако ж нельзя оставить без внимания того, что некоторые из лиц ученого Университетского сословия, или вовсе не брегут об *исполнении своих обязанностей*, или криво их понимая, делают не то, что требуется системою Университетского воспитания и порядком службы; а от сего происходит нередко *ощутительное замешательство* в ходе дел ученых и административных»⁹⁹.

В упрек Пальмину попечитель поставил следующее: «Доводимы до сведения моего мнения его по разным предметам, в которых, вместо того, чтобы по званию своему, поддерживать силу законов и установленный порядок дел, он ябеднически старается дать свой изворот и тем и другим, оговариваясь при том *пред Начальством с дерзостью*, нигде не терпимою»¹⁰⁰. Интересно, что Николай I, при представлении ему докладной записки об увольнении, написал на ней своей рукой о Пальмине: «Уволить от службы; притом не могу не заметить, что давно не должно б было его терпеть при Университете, ежели в нем замечались подобные недостатки»¹⁰¹.

Аналогичные изменения происходят в риторике харьковских профессоров и попечителя В. И. Филатьева. Это видно в деле профессора Г. Ф. Брандейса. Ректор Харьковского университета Н. И. Еллинский писал в записке, поданной в совет: «Главная причина сего чрезвычайного заседания есть *дерзость и нахальство* Профессора Брандейса, кои превзошли наконец все меры <...> Кажется, все сие проистекало от доказанной *не ужиточности его* и желания везде *возбуждать тревогу*»¹⁰². Аналогично и попечитель Филатьев 1 августа 1831 г. писал Ливену: «Я старался узнать без огласки о поступках и действиях

⁹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 4. Лл. 1–1 об. Материалы этого дела были опубликованы: *Маяковский, Николаев*. 1919.

¹⁰⁰ Там же. Л. 2 об. – 3.

¹⁰¹ Там же. Л. 23.

¹⁰² РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 749. Лл. 9–9 об.

Профессора Брандейса <...> полагая, что можно склонить и убедить его, как умного человека, оставить *дерзкой и сварливой свой характер*, и обращаться *кротко и вежливо* с ГГ. Профессорами, и сим водворить *тишину и спокойствие в Университете*, беспрестанно, при всяком случае им Брандейсом нарушаемые»¹⁰³. Наконец, 10 марта 1832 г. Филатьев сообщал Ливену: «Не отвергаю, что Брандейс характера крутого, вспыльчивого и гордого, но знаю теперь достаточно и характер Ректора, и не могу его хвалить: *скрытность и фальшивость* есть его отличительнейшие черты, а *самолюбием и высокомерием* он не уступит противнику своему. Ректор винит Брандейса в неуважении к начальству потому, что в сем случае начальство есть он Ректор; но сам ежечасно поступками своими относительно начальства над ним не может заслуживать одобрения, хотя сам весьма *высокомерен* против низших себя и подчиненных»¹⁰⁴. Из текстов попечителей Бороздина, Филатьева и ректора Еллинского видно, что при Шишкове мотив о «дерзости» профессора теряет политическую окраску бунтарства, и становится синонимичным мотиву о профессоре – нарушителе спокойствия.

Приведенный выше отзыв Бороздина интересен не только тем, что в нем проговорен сознательный отказ от прежней риторики, принятой в министерстве. В нем также присутствует отсылка к низкому уровню преподавания профессора. Борьба за повышение уровня преподавания в Петербургском университете находится в эти годы, видимо, в центре внимания Ливена. Известно, что 15 марта 1832 г. он приказал «заготовить проект всеподданнейшей докладной записки, что слышав неоднократно от Г. Попечителя СПб округа невыгодные на счет познаний О<рдинарного> П<рофессора> прав Боголюбова отзывы, он удостоверился в сем личным присутствием на его лекциях и советовал Боголюбову оставить Университет, но тщетно»¹⁰⁵. По этому же делу попечитель Бороздин писал министру в июле 1832 г.: «Боголюбов, при всем своем усердии и практических сведениях, не имеет *ни теоретических соображений* по сей части столь необходимых для представления науки в систематическом порядке, ни *дара передавать познания* слушателям своим, от чего они выходят из Университета по окончании курса и определяются в службу со сведениями, весьма не достаточными для их *Гражданскаго назначения*»¹⁰⁶. Аналогично развивается в 1832 г. кон-

¹⁰³ Там же. Лл. 5–5 об.

¹⁰⁴ Там же. Лл. 30 об. – 32.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 185. Л. 1.

¹⁰⁶ Там же. Лл. 18–18 об.

фликт в Московском университете вокруг преподавания анатомии, когда М. Я. Мудров попытался обвинить Х. И. Лодера в плохих успехах студентов, приписав их преподаванию на латинском языке¹⁰⁷.

Таким образом, именно в министерство Ливена впервые при увольнении профессоров получает развитие риторика о слабом преподавании, в дальнейшем подхваченная С. С. Уваровым, назначенным в 1833 г. министром народного просвещения. В переписке Уварова с попечителями учебных округов получала утверждение риторика о профессорах *«без заслуг, но без нареkania, опоздалых на их поприще, малоспособных к преподаванию, одним словом просто доживающих срок к получению пенсии»*¹⁰⁸.

Таким образом, риторика, направленная на увольнение профессоров, не была статичной на протяжении первой трети XIX в. Она чутко реагировала на изменения в министерстве, от которого зависел исход дела. Существующий перевес в принятии окончательного решения об увольнении в пользу министров народного просвещения приводил к тому, что на риторическую аргументацию профессоров большое влияние оказывали факторы субъективные.

Риторика о «тишине» обязана своим развитием министрам Завадовскому, Разумовскому и попечителю Казанского учебного округа Румовскому. Назначенному в 1802 г. Завадовскому было 63 года, сменившему его в 1810 г. Разумовскому – 62 года; Румовскому – 68 лет. Все они служили еще при Екатерине II, и это отразилось на их мировоззрении. Они рассматривали университеты как присутственные места, где все должны вести себя «пристойно». Этого требовал и устав университета, где не только был прописан порядок, который нужно было соблюдать в заседаниях, но и специально оговорено, что «Председатель наблюдает, чтобы прения не выходили из границ благопристойности»¹⁰⁹. Известно, что когда в 1807 г. конфликт в Казанском университете достиг пика, Румовский потребовал, чтобы в комнате Правления как присутственном месте было установлено зеркало¹¹⁰. И директор Яковкин был уверен, что необходимо «при первом шуме рекомендовать им

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 116. Л.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185. Л. 6.

¹⁰⁹ Об Уставах... Стлб. 276.

¹¹⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. Правление. Д. 6. Л. 20. Зерцало представляло собой треугольную призму, на трех сторонах которой были наклеены печатные экземпляры Петровских указов: 17 апреля 1722 года – о хранении прав гражданских, 21 января 1724 года – о поступках в судебных местах и 22 января 1724 года – о государственных уставах и их важности.

[профессорам. – Т. К.] прочтение их, а особливо Указ 1724 года о всевозможной благопристойности в присутствии при зеркале»¹¹¹.

Кроме того, представления о необходимости тишины в университетах восходят к идеалам XVIII в., когда тишина была воспета многими поэтами в бесчисленных одах, из которых наиболее известна «возлюбленная тишина» М. В. Ломоносова в «Оде на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны 1747 года». Для людей екатерининского времени эта одическая «тишина», служившая важным мотивом преамбул ко многим узаконениям, стала синонимом мирного правления. Об упоминании М. М. Херасковым «спасительной тишины» в «Оде на прибытие Ея Величества в Москву. В генваре 1775 г.» В. Ю. Проскурина справедливо пишет: «Логика отсылки в оде Хераскова прочитывалась современниками вполне определено: мирный договор, как и конец бунта, должен переместить внимание власти от войны к наукам и искусствам»¹¹². Таким образом, напоминание о необходимости восстановления тишины должно было восприниматься не только буквально, но и в более глубоком значении, как призыв обратиться к наукам, основным занятиям профессоров.

Очень вероятно, что Голицын, бывший в 1816 г. одновременно обер-прокурором Синода (освобожден от должности в 1817 г.), главноуправляющим иностранными исповеданиями и министром народного просвещения; реформировавший специально для удобства управления структуру министерств, создав Министерство духовных дел и народного просвещения, действительно боялся потерять контроль над ситуацией в своем ведомстве, боялся духа безначалия и своевольтва настолько, что это усиливало действие на него соответствующей риторики.

Требуется дополнительных изысканий отказ от голицынской и шишковской риторики о нравственности, произошедший при Ливене. Но уже сейчас можно сказать, что не случайно в министерство Уварова мы не находим ярких текстов, направленных на удаление профессоров по идеологическим причинам. Нельзя не согласиться с наблюдениями Зорина о том, что Уваров был «начисто лишен свойственного Шишкову миссионерского запала», а «идеологическое обеспечение государственной политики переводилось [при нем] из горячего режима в холодный, превращая мобилизационные лозунги в программу рутинной бюрократической и педагогической работы»¹¹³.

¹¹¹ *Нагуевский*. 1904. С. 120.

¹¹² *Проскурина*. 2006. С. 200.

¹¹³ *Зорин*. 2001. С. 367–268.

В то же время, есть все основания выделить ряд объективных причин, которые оказывали влияние на ее формирование. Риторические приемы, ставшие действенным способом удаления профессора из университета, не могли появиться иначе, как «методом проб и ошибок», поэтому в первые годы существования молодых корпораций использовались очень разные риторические приемы, употребление которых имело, подчас, неожиданные для создателей текста последствия. Высокий уровень конфликтности в молодых корпорациях способствовал развитию дискурса о необходимости установления в них согласия, поскольку оно объективно было необходимо для того, чтобы профессора могли выполнять свои прямые обязанности, а разрастающиеся конфликты не вредили имиджу университетов. Несомненно и то, что европейские революции способствовали развитию страха перед заговором и распространением вредных идей. А рост науки в университетах, скорее всего, и привел к возникновению «научного» дискурса в оценке профессоров.

Фактически, на протяжении первой трети XIX века профессорская риторика переживала период формирования как специфическая аргументация, характерная именно для профессорского сообщества. Этот путь она прошла от риторических приемов, свойственных бюрократической среде вообще, через риторику, характерную для интеллектуальной прослойки империи к риторике о преподавании и научных достоинствах, характерной для сообщества ученых преподавателей. И, видимо, совсем не случайно именно к рубежу первой и второй трети XIX в. исследователи относят «оформление профессуры в профессиональную группу» и формирование «профессорской культуры»¹¹⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. 640 с.
- Багалец Д. И.* Удаление профессора И. Е. Шада из Харьковского университета (Материалы для биографического словаря профессоров Харьковского университета). Харьков, 1899. 147 с.
- Вишленкова Е. А.* Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань, 2003. 240 с.
- Горин Д. Г.* К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII – XX веков. Сб. статей. Брянск, 1996. С. 42–51.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подг. к печати Н. А. Пенчко. М., 1960. Т. I: 1756–1764. 415 с.

¹¹⁴ *Горин.* 1998. С. 42.

- Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Тт. 1–4. Казань, 1902–1904.
- Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. 416 с.
- Ильина К. А.* «Вера и Ведение» в переписке М. Л. Магницкого и Г. Б. Никольского (1820–1824 гг.) // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии. Казань, 2006. Вып 1 (11) – 2006; Ч. II. С. 116–122.
- Костина Т. В.* Академик С. Я. Румовский и Казанский университет: историографический контекст // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / Отв. ред. Ж. И. Алфёров. СПб.: Наука, 2010. С. 81–101.
- Лавровский Н. А.* Эпизод из истории Харьковского университета. М., 1873. 58 с.
- Маяковский И. Л., Николаев А. С.* С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербург. ун-та / Под ред. С. В. Рождественского. Т. 1. 1819–1835. Пг., 1919. 760 с.
- Нагуевский Д. И.* Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772–1832 гг.). Историко-литературный очерк. Казань, 1904. 356 с.
- Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М., 2002. 416 с.
- Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 328 с.
- Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. 785 с.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование Александра I. 1802–1825. СПб., 1864.
- Хвостов А. А.* Гендерные особенности организационного поведения // Вопросы психологии. 2004, № 3. С. 29–37.
- Klinge M.* Teachers // A History of the University in Europe / Ed. W. Rüegg. Cambridge, 2004. Vol. III: Universities in the Nineteenth and early Twentieth centuries. P. 123–161.
- Костина Татьяна Владимировна***, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН;
TanyaBizyaeva@yandex.ru.